

Мастера и лидеры Будо-каратэ. Кантё Масутацу Ояма и ханси Стив Арнейл

Предупреждение читателю

Японская традиция искусств Будо за пределами "страны восходящего Солнца", извлеченная их культурного контекста и пересаженная на иную почву, претерпевает закономерные изменения. На Западе эта традиция утрачивает свою культурно-историческую целостность и национальную специфику. Там, где происходит естественный распад традиции, возникают производные от нее и сосуществующие с ней формы деятельности. Среди них спортивные единоборства, виды профессионального спорта, формы физкультурно-оздоровительной, развлекательно-коммерческой и военно-прикладной направленности.

Между обособленными направлениями и формами существования некогда целостной традиции и искусствами Будо складываются не простые, порой остро противоречивые, отношения. Кажется, что возникает реальная угроза для выживания традиции в условиях массовой культуры. Соответствующий комплекс социальных и духовно-нравственных проблем, конечно, заслуживает специального и всестороннего анализа, что не входит в мои намерения. Однако выбранная тема требует некоторых пояснений.

Проблемы сосуществования и взаимодействия традиционных искусств Будо и спорта, Будо и физкультуры соответствующего профиля или Будо и внешне сходных видов рукопашного боя отнюдь не всецело обуславливаются или исчерпываются факторами массовой культуры. Прогрессирующее расслоение современного общества закономерно ведет и к позиционированию его духовной элиты. Для элиты же не только сохраняется, но и возрастает привлекательность традиции Будо, если в ней видится "воинский Путь" и воплощение общезначимых духовных принципов.

Речь идет о принципах, благодаря которым самоценное воинское ремесло возвышается до значения искусства, а воинское искусство одухотворяется, фактически сакрализуется, и превращается в один из "дзэнских видов борьбы", в одну из разновидностей "воинской йоги". Феномен же "воинской йоги" относится к области духовных сверхценностей. Практика искусств Будо в этом случае приобретает инициатический смысл и становится одним из факторов духовного выживания элиты. Одновременно появляется возможность для образования и просвещения людей несведущих, но ищущих.

Такова общая логика культурно-исторического процесса. В обществе всегда и постоянно происходит взаимодействие тенденций к духовной деградации и к духовной эволюции. У любого человека, осознающего себя разумным существом, есть выбор того или иного пути и право следовать своим принципам, в том числе принципам Будо. В этом смысле даже весьма критическая ситуация может оказаться не столь трагичной для судьбы традиции. Опыт подлинных мастеров и подвижников прошлого, а также "героев нашего времени" представляется в данном отношении обнадеживающим и поучительным. И на Востоке, и на Западе были, есть и будут пророки, адепты и рыцари искусств Будо - те, кто следуют традиции и развивают ее, сохраняя первоосновы, те кто являют собой достойные подражания примеры.

Общие замечания в полной мере относятся и к традиции Будо-каратэ. Одним из адептов и пророков этого воинского искусства в Японии стал выдающийся мастер 20 века Масутацу Ояма. Он прославился как боец, не знавший в свое время соперников, как подвижник, открывший для себя Путь Кёкусинкай и стремившийся создать мировое "сообщество

искателей Абсолютной истины". Ояма действительно был героем, но не богом. Многие смелые его мечты воплотились в жизнь, иные остались в сфере идеального бытия, что, впрочем, не умаляет их духовной значимости. Ояма, как любой смертный, делал ошибки и вынужден был кривить душой, но это не лишает духовной сверхценности того, что он самозабвенно искал и чего достиг на Пути воинского искусства.

Ныне мифологизированный инициатический опыт Масутацу Оямы и выстраданное им философское знание Будо-каратэ вошли в духовную сокровищницу традиции. Они сохраняют и будут сохранять свою притягательность, побуждая приверженцев Будо не только практически овладевать техническим арсеналом "сильнейшего каратэ", но и с романтическим пылом отстаивать духовные принципы Кёкусинкай. К счастью, среди последователей Оямы есть подлинники мастера, наставники и носители традиции Будо-каратэ, которые служат хорошим тому примером. Я могу рассказать лишь об одном из них. Это ханси Стив Арнейл, официальный приемный сын Оямы, президент и основатель Международной Федерации Каратэ (IFK), легендарная личность в мире Будо. Он является одним из выдающихся представителей и последователей старой школы Кёкусинкай и остается одним из немногих свидетелей, близко знавших Ояму, начиная с периода его наивысшего расцвета.

Предлагаемая вниманию читателей статья - дань уважения основателю каратэ Кёкусинкай и его воспитаннику. В основе ее лежат известные источники, принадлежавшие перу Оямы и некогда переведенные мной с английского, а также документальные и мемуарные (в том числе еще не публиковавшиеся) материалы, любезно предоставленные ханси Стивом Арнейлом. У этого мастера мне посчастливилось учиться, с ним довелось много общаться и совместно работать. Воспоминания Стива Арнейла представляют немалую автобиографическую и историческую ценность. Они служат зеркалом, в котором проступают живые черты облика Оямы и воссоздаются реалии неповторимой атмосферы старой школы.

Кантё Масутацу Ояма - адепт и пророк Будо-каратэ

Дать объективную и исчерпывающую характеристику Масутацу Ояме едва ли возможно. Ояма был легендой при жизни, а после кончины его личность и путь в каратэ закономерно мифологизировались. Известно, что сам Ояма в немалой мере приложил руку и к героизации собственного образа, и к пропаганде своего каратэ, которое он хотел видеть "сильнейшим" и "марширующим" по всему миру. Однако для подобных притязаний все же были объективные предпосылки и основания. Более того, создававшиеся Оямой и его соратниками мифология и философия Кёкусинкай, при всех видимых и скрытых расхождениях с "исторической правдой", стали реальными движущими факторами как в судьбе адепта Будо-каратэ, так и в истории школы.

Здесь проявляется общая закономерность исторического процесса, коль скоро творца-ми истории являются люди. Как известно, порой из общей массы выделяются амбициозные личности - пассионарии, дерзновенно бросающие "вызов пределам" и устремляющиеся к недостижимым идеалам. При этом они неизбежно возвышаются сами, создают прекрасные мифы и преобразуются в зеркале собственной мифологии. В случае неудач они заботятся о том, чтобы "не потерять лица" и не лишиться сторонников, считающих их непогрешимыми. Такие выдающиеся личности закономерно становятся культовыми фигурами - объектами для мифологизации, героизации и даже обожествления. Являя собой идеализированные образцы для подражания, культовые герои волей-неволей склоняют к лучшему и своих последователей, если те не успевают разочароваться или сменить ценностные приоритеты.

Мифотворчество, вообще, удивительный феномен. Он появляется в тот момент, когда человек начинает осознавать себя разумным, мыслящим и духовным существом, творцом культуры. Мифология выражает инициатическое начало любой культуры, но прежде всего традиционной. Возникновение исторического мышления изначально и навеки сопряжено с мифоисторическим сознанием. Хотя мифологические представления законосообразно расходятся с событийными фактами человеческой истории, они сами являются ее "фактами", т.е. реалиями духовной жизни людей. Мифология в целом и мифологизированная история в частности становятся действенным фактором духовно-исторического процесса. Они существенно влияют на общий ход истории и формируют ее неповторимый облик, который не есть голая историческая правда, а есть облаченная в символические одеяния правда духовной жизни творцов и соучастников истории.

Мифотворчество - серьезная проблема гуманитарной науки (истории, психологии, культурологии, философии). Она заслуживает комплексного исследования, что, конечно же, не входит в мои намерения. Моя задача проста - сообщить нечто интересное, осмысленное и действительно ценное из жизни выдающихся мастеров и лидеров современного Кёкусин Будо-каратэ, то, что имеет отношение к личным достижениям адептов Будо и к их вкладу в традицию воинских искусств.

Наиболее ценные сведения об Ояме, как о мастере, учителе и руководителе, волею судьбы я узнал от ханси Стива Арнейла. В известной мере эти сведения (в частности, ка-савшиеся политических проблем и причин кризиса в движении Кёкусинкай в мире) способствовали демифологизации сложившегося ранее и поддерживавшегося официальной пропагандой токийского Хонбу идеального образа мастера и основателя школы Кёкусинкай. Однако в образе этого противоречивого, но живого и деятельного человека все же ясно проступали черты подлинного величия. По большому счету именно позитивная сторона личности Оямы, творившего свою историю и по праву вошедшего в историю Будо-каратэ, и имеет первостепенное значение. Наглядным выражением характера зрелого Оямы стала его школа. С воссоздания беглыми штрихами жизни сообщества, собиравшегося в додзё Оямы, со сведений о его главных учениках и помощниках, пожалуй, и придется подступить к личности основателя Кёкусинкай.

Возглавляя школу в начале 60-х годов, Ояма был не один. Уже сформировалось первое поколение ведущих инструкторов. Среди них выделялся, например, Кэндзи Куросаки, который замещал Ояму во время его поездок по странам мира. Он был напористым бойцом и отвечал за спарринговую подготовку в додзё. Бойцом другого типа был высокий и худощавый Эйдзи Ясуда. Он был психологически непроницаем и непредсказуем в бою, его молниеносные атаки достигали цели совершенно неожиданно для противников. Исключительно важной в школе была роль Масами Исибаси. Он держался в тени, но фактически отвечал за техническую подготовку, особенно за ката. Ката он знал очень глубоко и прекрасно объяснял практическое назначение заложенных в них технических элементов. Блестящим исполнителем ката, наряду с Исибаси, а также прекрасным бойцом был Хирофуми Окада. В свое время именно он преподавал задиристым Арнейлу и Асихаре, носившим еще коричневые пояса, хороший урок этики.

Стив Арнейл вспоминал, что однажды, когда Окада после значительного перерыва пришел в додзё, во время спарринга с ним молодые люди проявили чрезмерную агрессивность и даже наглость. После этого Окада на несколько месяцев исчез, но потом вернулся в додзё и поставил друзей на место. Арнейл признался, что так сильно его в жизни больше никто никогда не бил. После боев ребята извинились, а Окада объяснил, что нехорошо было утверждать превосходство над человеком, который пришел в додзё просто потрени-

роваться. Все эти инструкторы первого поколения были сэнсеями. Сэнсеем в бытность Арнейла в школе (с 1961 по 1965 годы) называли и самого Ояму.

Во втором поколении ведущих инструкторов и бойцов выделилась известная "трои-ца": Тадаси Накамура, Сигэру Ояма, имевшие 3-е даны, и Стив Арнейл, получивший 2-й дан. Хидеюки Асихара тогда имел 1-й дан, а Хацуо Рояма был еще кохаем, т.е. младшим учеником. На Тадаси Накамуру возлагалась ответственность за школу. Он воспитывался как будущий преемник Оямы. Накамура был не только сильным бойцом, как Сигэру Ояма, но уже тогда обнаруживал глубокий интерес к философии Будо и к дзэну. Стив Арнейл фанатично занимался техникой и делал большие успехи в ката. Он единственный в школе был удостоен сертификата Оямы за лучшую технику. При этом именно он первым в истории Кёкусина успешно выдержал тест в 100 боев. В те годы у Оямы занимался еще голландец Джон Блюминг, который был очень сильным дзюдоистом. В Кёкусине же его интересовала только драка.

Характерно, что личностные особенности Накамуры, Сигэру Оямы и Арнейла, а также Асихары или Блюминга, наглядно проявились в приоритетах созданных ими впоследствии международных организаций. Все они ушли от Оямы по разным личным и политическим причинам. После матчевой встречи бойцов Кёкусина с представителями тайского бокса, где выиграла команда Оямы, ушел Куросаки, преуспевший в кик-боксе. Для школы его уход был очень болезненным. Потом ушли Накамура и Сигэру Ояма, создавшие собственные стили и организации каратэ. В сущности, никто из заметных фигур того времени, ставших на самостоятельный путь, не ставил целью сохранение традиций старой школы и развитие стиля Кёкусинкай.

Исключением стал Стив Арнейл, остававшийся с Оямой дольше своих товарищей. Создав свою международную организацию еще при жизни Оямы (в 1991 году), он поставил главной задачей сохранение традиционного стиля Кёкусинкай и методов обучения, а также квалификационных нормативов школы и системы ката Кёкусинкай, к созданию которых он сам был непосредственно причастен. Не раз ханси говорил нам: "Я учу вас так, как меня учили". При том, что Стив Арнейл довел до высокого совершенства традиционные методы организации учебно-тренировочного процесса и ввел разработанные на их основе собственные эффективные методики, на общих сборах он продолжает воспроизводить оригинальные формы и методы обучения Будо-каратэ, практиковавшиеся в летних и зимних лагерях в Японии. Они и сегодня не утратили своей практической ценности и имеют также немалый познавательный интерес.

В начале 60-х годов традиции школы еще находились в стадии формирования, но уже обозначился тот вектор развития, который predetermined характерную для каратэ Кёкусинкай систему обучения и подготовки бойцов. Занимаясь у Оямы, Стив Арнейл скрупулезно вел записи. Впоследствии, опираясь на достоверный материал, он сумел его обобщить и сделал общедоступным за пределами Японии. Для этого Арнейл имел уникальные возможности и способности. Он знал японскую традицию изнутри, но обладал западным менталитетом и способностью к систематизации того, что нередко спонтанно реализовалось в додзё. Бывало, что инструктор, заменявший Ояму, записывал иероглифами на доске примерный план тренировки и работал по нему. Потом другой сменщик записывал свое задание, не связанное с предыдущим. На Западе так бессистемно работать было нельзя.

Фактически большая часть программной документации и основные квалификационные нормативы школы были разработаны Стивом Арнейлом еще в его бытность президентом Британской и Европейской Организаций Кёкусинкай. В начале 80-х годов по заданию Оямы Арнейл осуществил систематизацию и канонизацию всех ката. Благодаря этому

школа обрела единство на уровне технических требований и собственное стилевое лицо. По словам Арнейла, Ояма придавал данной работе большое значение, т.к. видел в ката фактор единения и самоидентификации всех членов школы. Он говорил, что в кумитэ каждый волен делать, что хочет и что может, тогда как в исполнении ката все должны быть едины и находиться в гармонии.

Традиция исполнения ката (части наследия школы, канонизированной еще при жизни Оямы) на базе обобщающей книги Стива Арнейла "Ката каратэ Кёкусинкай" (1985, 2004) сложилась прежде всего в Европе. Благодаря образованию IFK она стала достоянием всего мира. Примечательно, что отношение к ката и подходы к традиционным формам оказались в числе главных отличительных (стилевых и идеологических) признаков в организациях каратэ, которые и при жизни, и после кончины Оямы возглавили его бывшие ученики.

Как известно, Хидэюки Асихара вообще отказался от ката, прервав тем самым связь не только со старой школой, но и вообще с традиционным каратэ. Другие лидеры, например, Сёкэй Мацуи и Хацуо Рояма, санкционировали внесение в ката Кёкусинкай множества технических и даже стиливых изменений. В организации Роямы, например, стиливой облик ката выдает очевидное влияние школы Сито-рю. В результате исчезла характерная для Кёкусинкай динамичная манера исполнения ката. В подобных случаях пресловутый вопрос о наследовании традиции "истинного" каратэ Кёкусинкай (не столько юридически, сколько фактически) остается открытым...

Открытым, к сожалению, остается и другой вопрос - вопрос об "истинности", или исторической достоверности, обильно мифологизированной биографии Масутацу Оямы. Впрочем, некоторые имевшие место обстоятельства и факты, все же позволяют понять главное - то, что составляло реальные предпосылки и основания для мифологизации и даже для обожествления Оямы, для создания культа его героической личности среди приверженцев Кёкусинкай. Наиболее показательным в данном отношении является период длительного горного отшельничества молодого Оямы. Так или иначе, но именно тогда формировались духовные основы и философия Будо-каратэ. Напомню кратко, что этому периоду предшествовало.

По официальной мифологизированной версии биографии Оямы, он родился в Корее в многодетной семье в 1923 г. Через два года его отправили к родственникам в Маньчжурию, где с 9 лет он якобы познакомился с южнокитайским кэмпо. Через пять лет он вернулся в Корею и в школьные годы в Сеуле изучал корейское кэмпо. В 1938 г. Ояма приехал в Японию, поступил в Летнюю школу Яманаси, но недоучился. Он занимался боксом и дзюдо, потом попал под влияние Гитина Фунакоси, преподававшего каратэ в университете Такусоку. За два года в возрасте 17 лет он достиг 2-го дана, а еще через три года - 4-го дана. Потом еще четыре года занимался дзюдо в Токио.

В послевоенные годы в период оккупации Японии Ояма чувствовал себя растерянным и едва не увяз в криминальной среде. Спасением для него стали две судьбоносные встречи. Сильное влияние на Ояму оказал Со Ней Тю (So Nei Chu). Он был одним из лучших мастеров и высших духовных авторитетов в Годзю-рю, утверждавших нераздельность Будо и духовных основ религии. Именно он посоветовал Ояме уединиться в горах и дал ему следующее напутствие: "Как говорится в пословице, "Куй железо, пока оно горячо". Управляйся в самодисциплине до того как станешь старше, если хочешь быть великим человеком". Как известно, Ояма ушел в горы в 1946 г. после встречи с Эйдзи Ёсикавой, автором романа о Миямото Мусаси. Личность знаменитого меченосца 17 в. стала для Оямы идеалом Будо, Бусидо и главным примером для подражания. Самоидентификация Оямы с

Мусаси стала по существу одним из основных факторов мифологизации его инициатической практики каратэ в горах.

Общность в характерах, судьбах и миссиях Миямото Мусаси и Масутацу Оямы совершенно поразительна. Две родственные души жили и действовали в сходных исторических условиях. В молодости Ояма, как и Мусаси, отличался большой физической силой, грубостью поведения, амбициозностью, склонностью к рискованным предприятиям и опасным поединкам, а также преданностью Будо. В зрелые годы Ояма, как и Мусаси, сосредоточил свои поиски на духовных первопринципах воинских искусств. Они открывались благодаря практике каратэ, опыту дзэнской медитации и знакомству с философией дзэна.

Оба мастера отстаивали реальную ценность воинского искусства в типичных условиях кризиса и утраты подлинного духа Будо и Бусидо. Они стяжали "дух победы" в опасных поединках на грани жизни и смерти. В такого рода инициатических испытаниях обреталась "мудрость", позволявшая видеть в воинской практике процесс самопознания и самосовершенствования. Письменные наставления Мусаси, и Оямы стали для последователей Будо духовным руководством. Глубокое понимание ими своего ("одного") Пути давало знание "десяти тысяч вещей" и позволяло распознавать этот универсальный Путь везде. Высокие достижения обоих мастеров побуждали современников усматривать в их деяниях проявление божественной силы. Мусаси вошел в историю воинских искусств как "бог меча", а Ояма - "как божественная рука".

Для Мусаси и для Оямы главным критерием истинного воинского искусства была реальная практика. Они не доверяли наставникам и школам, неспособным на деле доказать эффективность своего искусства. В сущности, у обоих мастеров не было прямых учителей, школу которых они бы продолжали. Они наследовали всю доступную воинскую традицию. Из нее извлекали и синтезировали то, что соответствовало практическим нуждам и духовным идеалам воинского искусства. И Мусаси, и Ояма отвергали догмы, но не пытались изменять не удовлетворявшие их школы изнутри. Они создавали собственные системы - каждый на своем особом Пути.

Путь Оямы берет подлинное начало в горах. Именно здесь сформировалась личность подвижника Будо-каратэ с амбициозным именем "Ояма" - человека, "приумножающего свои достоинства подобно высокой горе". Об этом периоде известно немного, в основном из воспоминаний Оямы и тех людей, которые оказывали ему материальную и моральную поддержку. Однако то, что известно относительно достоверно, все же проливает свет на личность "искателя Абсолютной истины" и на духовные истоки каратэ Кёкусинкай.

В горах Ояма уединялся дважды. Вначале на горе Минобу с Оямой находился его ученик, который покинул его после шестимесячной изоляции. Ояма оставался в горах, но не в полном одиночестве. Его не часто, но регулярно посещал друг Каяма, приносящий еду. Ояма воспринимал друга "как Будду в аду". Длительное одиночество сильно угнетало. Ни пение священных песнопений, ни сидячая медитация дзадзэн не помогали отшельнику достигнуть отрешенного состояния сознания.

В отчаянии Ояма написал письмо Со Ней Тю, который дал ему следующий совет: "Те, кто признаны гениями, будь то художник, серьезно изучающий концепцию красоты, или воин, постигающий Будо, работают гораздо больше и демонстрируют гораздо больше упорства, чем обычные люди. Никогда не было гения, который бы не обнаруживал огромных усилий и стойкости в достижении собственной цели. Ояма, я верю, что ты станешь незаменимой фигурой в мире японских воинских искусств. Тренируйся больше, чем кто

бы то ни было, ты станешь непобедимым. Тебе следует стоять одному, не имея соперников, как современному воину и стать примером подлинного мастера воинского искусства для всего мира. Если у тебя возникнет потребность спуститься из горной хижины вниз, сбрей одну бровь. Скорее всего ты не пожелаешь никого видеть, пока она не вырастет снова. То, что другие уже сделали, не будет невозможным для тебя. Разве был какой-нибудь мастер воинских искусств, который бы не испытывал горького разочарования? Действительно великим человек может стать только благодаря долгой тяжелой тренировке. Тебе требуется больше мужества в стремлении к избранной цели. Это самое важное".

И Ояма с возросшей энергией продолжил тренировки, поклявшись себе, что станет самым сильным каратистом Японии. Но через год он по необходимости вернулся к лю-дям. Каяма не смог больше материально обеспечивать его пребывание на горе Минобу. Тем не менее опыт отшельничества дал главный результат. В 1947 г. Ояма утвердился в решении посвятить свою жизнь каратэ и снова на 18 месяцев уединился на горе Киёдзуми. Он хотел усовершенствовать технику и осмыслить принципы своего Пути в каратэ. Он тренировался "больше, чем спал", сочетая физические упражнения с духовной практикой, включавшей тамэсивари.

В 1950 г. Ояма так вспоминал о пользе той аскетической практики: "Хотя тренировка ради совершенствования техники важна, для человека, который действительно желает следовать путем Будо, гораздо важнее всю свою жизнь превратить в тренировку и тогда стремиться не только к мастерству и силе, но и к духовным достижениям. Однако поначалу бывает трудно понять, что выбор пути Будо требует всей жизни человека, и чрезвычайно трудно сохранять верность поставленной цели. Необходимо предпринимать величайшие усилия и концентрироваться на себе, чтобы просто совершенствовать правильное отношение к тренировкам... Жизнь в одиночестве в горах в изоляции от всего и всех, лицом к лицу с природой является самым суровым условием для тренировки в каратэ. Хотя я добровольно пошел на это, мне впервые пришлось в одиночестве испытать страх перед природой... Величайшим плодом моего пребывания в горах было то, что я развивал свою физическую и ментальную силу днем и находился наедине с природой и моим внутренним "я" ночью. Конечно мое мастерство в каратэ выросло, но более важным достижением было укрепление соответствующего состояния ментальности, мое сознание оказалось развитым в гораздо больше степени, чем до ухода в горы".

Состояние сознания Оямы изменилось настолько, что в 50-е годы он начал испытывать себя в боях с быками. Эти подвиги обросли мифами и слухами. Достоверно известно, что Ояма убил трех быков голыми руками. Но в 1957 г. в Мексике он чуть было не погиб в бою с быком и 6 месяцев провел в больнице. Ояма много ездил по США, участвуя в опасных поединках с борцами и боксерами, затем столь же успешно пропагандировал свое каратэ в Европе. В это время он открыл первое додзё в районе Мейдзиро, где вел занятия вместе с К.Мицусимой и Э.Ясудой. Первое настоящее додзё было открыто в университете Рикко недалеко от будущего додзё в Икэбукуро, ставшего центром школы и штаб-квартирой международной организации (Хонбу).

Ояма приобрел опыт опасных поединков и синтезировал то, что считал лучшим в известных ему воинских искусствах (японских, китайских, корейских, тайских, европейских). Ояма отстаивал концепцию реального Будо-каратэ, которая выражала его неумное стремление к пределам человеческих возможностей - физических, ментальных и духовных. Он заявлял следующее: "все системы, похожие на каратэ, изначально были боевыми искусствами и должны оставаться такими, если они хотят быть достойными имени каратэ". В ныне знаменитой речи, произнесенной в 1978 г., Ояма еще выдвигал идею "хитоцуки хитогэри", т.е. говорил о необходимости побеждать противников одним ударом рукой

или ногой. Он продолжал настаивать на полном контакте в состязаниях по Кёкусинкай, которые продолжались бы до нокаута или сдачи одного из противников. Именно так проводились бои в его додзё, куда приходили подраться каратисты из других стилей.

Однако жизнь распорядилась иначе. Правила соревнований изменились. Да и характер отношений между членами и руководством Международной Организации Каратэ (ИКО), как известно, был уже не тем, что между учениками и Оямой в додзё. На то были свои причины. Прежде всего изменился образ жизни и, соответственно, образ мыслей Оямы. Если в своем додзё Ояма был полновластным хозяином, то после создания в 1963 г. ИКО он в значительной мере утратил материальную, а главное духовную, независимость. Он был вынужден приспосабливаться к политическим и коммерческим условиям жизни своего частного предприятия, раскинувшего сеть филиалов по всему миру, идти на поводу у недобросовестных советников и совершать сделки с совестью. Кризис ИКО обнаружился уже на Первом чемпионате мира в Токио, где зародились серьезные конфликты и возникли поводы для ухода из организации многих достойных людей и крупных мастеров. Одним из них, спустя много лет, стал и ханси Стив Арнейл. Однако он сохранил добрую память об учителе, а также достойную этой памяти верность традициям старой школы и принципам Будо-каратэ.

Ханси Стив Арнейл - рыцарь традиции Будо-каратэ

Путь Стива Арнейла к Масутацу Ояме и его Путь в каратэ Кёкусинкай вполне мог бы составить сюжет для приключенческого романа, а то и "блокбастера" наподобие культового фильма "Поединок", или "Обреченный на одиночество", - прекрасного мифа об Ояме-герое. Жизнь Стива Арнейла, родившегося в Южной Африке, брошенного судьбой в Японию, потом укоренившегося в Великобритании, но ставшего фактически "гражданином мира", чрезвычайно богата событиями, приключениями, путешествиями, встречами с удивительными и замечательными людьми. Об этом ханси немало рассказывал и еще больше, наверное, мог бы рассказать.

Немалый познавательный, пусть и чисто житейский, интерес представляют, например, истории о том, как в доме Стива Арнейла на его родине (в сельской местности) появился осиротевший львенок, который вырос и, став ручным, жил с ним несколько лет, о том, как молодой человек подрабатывал, отстреливая крокодилов или как он узнавал о чудесах дикой природы Африки и о магии африканских колдунов. Чрезвычайно яркими в памяти ханси остались впечатления от первого посещения в середине 60-х годов столицы Советского Союза (по пути из Японии в Англию), а также от знакомства с аборигенами Австралии и их традиционным оружием (в частности с копьеметалкой), с бытом индейцев, проживающих в джунглях Аргентины, или арабов, кочующих в пустынях Иордании. Кстати, в Иордании Стив Арнейл находился по приглашению королевской семьи, где он обучал каратэ и аттестовал на 1-й дан принца Мохаммеда, являющегося ныне патроном ИФК.

Очевидно, что в такого рода повествование легко было бы привнести черты мифологизации и идеализации героя, тем более, что поводы для этого есть. Однако сейчас речь пойдет о другом - о том, что непосредственно определяло судьбу Стива Арнейла как мастера и лидера каратэ Кёкусинкай, что характеризовало его "Путь воина". Остановлюсь на биографических фактах и деталях воспоминаний ханси, имеющих отношение к данной теме, и позволяющих расставить некоторые вехи на его "воинском пути".

Стив Арнейл родился в Южной Африке в Кюргерсдорпе в 1934 г. Когда ему исполнилось 10 лет, семья переехала в Северную Родезию (ныне Замбия). С 1949 г. он начал изучать бокс, затем дзюдо и каратэ. Поворотным событием в его судьбе стало знакомство с

китайцем, тренировавшемся во дворе своего дома. Вначале Стив украдкой подглядывал за ним, потом китаец его заметил и пригласил тренироваться вместе. Занятия шаолинским кэмпо продолжались на протяжении учебы в школе и колледже. В возрасте 25 лет Стив Арнейл переехал в портовый город Дурбан, чтобы завершить образование инженера-механика. Там он выискивал эмигрантов из Японии, которые обучали дзюдо и каратэ, и перепробовал разные стили, в которых тогда мало что понимал.

Вернувшись в Северную Родезию, Стив Арнейл получил от наставника-китайца рекомендательные письма к мастерам шаолинского кэмпо в Китае. Нанявшись инженером на корабль, он прибыл в Китай и направился на север в Маньчжурию, где был принят в один из монастырей. Суровые тренировки, строгая дисциплина, ежедневная работа на монастырских полях и сеансы медитации были тем, от чего он чувствовал себя "на седьмом небе". К несчастью, ужесточение политики Мао цзе дуна в отношении иностранцев вынудило Стива покинуть страну. Друзья посоветовали ему вернуться в Гонконг, чтобы продолжить занятия у другого учителя кэмпо. Но тренировки там сильно отличались от монастырских и Стиву не понравились.

В то время Стив Арнейл уже прослышал про Ояму и решил поехать в Японию. Чтобы собрать деньги, он нанимался работать на суда, плававшие на Филиппины. В конце концов, в 1961 г. из Гонконга он отправился в Йокогаму. В Японии, не зная языка, Стив все же сумел найти Кодокан, где стал заниматься дзюдо и вскоре получил 1-й дан. Однако его больше интересовало каратэ. Сначала Стив изучал каратэ Годзю-рю под руководством Гогена Ямагути, учеником которого был Со Ней Тю. У Ямагути и Со Ней Тю в конце 40-х годов тренировался сам Масутацу Ояма. Занятия в Годзю-рю были подлинным Будо, но почему-то особенно не вдохновляли Стива. Он пробовал заниматься каратэ Сётокан, но и здесь ему чего-то не хватало. "Это трудно объяснить, - признался он, - но это была не моя чашка чая".

Хотя Стив уже жил и тренировался в Японии, а в Годзю-рю его путь заочно пересекался с Оямой, встреча с учителем произошла не сразу. Это случилось после получения 1-го дана по дзюдо. Среди дзюдоистов Стив Арнейл встретил американца Дона Дрэгера и спросил его о мастере каратэ, который "нокаутирует быков". Дрэгер знал Ояму и привел товарища в его додзё. Инструктором, который замещал находившегося в Америке Ояму, был Кэндзи Куросаки. В отличие от инструкторов в других додзё, он предложил вначале посидеть и посмотреть, а не сразу становиться в ряды. Это казалось странным. Но то, что Арнейл потом видел каждый день, ему нравилось. Тренировки были интенсивными и тяжелыми, дисциплина была на высоте, бои производили сильное впечатление, поскольку тела бойцов были хорошо подготовлены и выдерживали реальные удары.

Около месяца Стив Арнейл приходил в додзё и наблюдал. Вскоре появился Ояма, которого он безошибочно узнал. Такова была аура его личности. Дон Дрэгер помог объяснить с Оямой, который плохо говорил по-английски, и изложил просьбу Стива взять его в ученики. Ояма согласился, но поставил условие: "Хорошо, но ты должен знать, что если ты тренируешься со мной, то ты тренируешься всю жизнь. Подумай об этом. Многое в жизни может пойти не так, но ты должен тренироваться, делая то, чему я тебя учу". Стив ответил: "Я согласен". Тогда Ояма сказал: "Ты начнешь как кохай и должен будешь регулярно тренироваться. Если ты прекратишь тренировки, мы тебя выгоним". Стив принял эти условия и в знак доверия получил от Оямы свое первое кимоно.

Тренировки в старом додзё начинались вечером и не заканчивались до тех пор, пока через 4-5 часов не прекращал занятий сам Ояма. Стив Арнейл тренировался упорно, и к нему относились так же, как к другим кохаям - не хуже, и не лучше. В качестве кохая Стив

должен был подбирать грязные кимоно сэмпаяв, которые они бросали на пол, стирать и гладить их, а утром вешать на место. Вместе с кохаем Асихарой они таскали из несмываемого туалета ведра с нечистотами и опорожняли их на улице в специально отведенном месте, затем вручную мыли ведра и возвращали их в туалеты. Помимо этого кохאי должны были много тренироваться и стараться осознавать свои действия. Ояма тогда говорил Стиву то, что теперь ханси говорит своим ученикам: "Я могу учить тебя, я могу помогать тебе, но есть две вещи, которые я не могу сделать: думать за тебя и делать за тебя. Это твоя работа, если ты не можешь ее выполнять, убирайся из додзэ".

Стив Арнейл не сразу осознал требования Оямы и стал им соответствовать. Это произошло лишь после сдачи экзамена на 1-й дан. Первая неудачная попытка послужила ему хорошим уроком. На экзамене он думал, что делает все лучше других, но в списках выдержавших испытание его не оказалось. Никто не объяснил почему, и расстроенный Стив, сославшись на болезнь, не приходил в додзэ несколько дней. Он находился в депрессии, хотел уехать из Японии, но не было денег. Пришлось возобновить тренировки.

На следующей аттестации у Стива Арнейла не было прежней уверенности, но он делал, что положено и сдал экзамен. Тогда он понял, что в первый раз его сознание не было готово. Если бы он сдал экзамен раньше, то мог бы уехать из Японии и заняться чем-нибудь другим, думая, что в достаточной мере освоил каратэ. Ояма впоследствии сказал Стиву, что увидел в нем нечто большее, чем просто черный пояс, хотя понимал, что рискует потерять его из-за разочарованности неудачей. Провал на первом экзамене научил Стива терпению, решимости и упорству, без которых нельзя было овладеть каратэ Кёкусинкай.

Последующие годы Стив Арнейл много тренировался и быстро прогрессировал. Ояма стал ему как отец. Он даже усыновил Стива, чтобы тот мог жениться на японке. По условиям договора, Стив был обязан дать будущему сыну второе имя "Ояма" и при достижении совершеннолетия прислать его на год в Японию. Этот договор Арнейл выполнил. Стефен Ояма Арнейл, родившийся в Англии и достигший 1-го дана, был отправлен на год к "дедушке". Правда, после возвращения домой он прекратил занятия каратэ по причинам, которые отцу так и остались неизвестными.

Женитьба на японке благотворно сказалась на судьбе Стива Арнейла. Он приобрел верного друга на всю жизнь и смог лучше понять японский менталитет. Цуюко происходила из древнего самурайского рода, где ревностно почитались традиции, в частности, семейные. Как молодой муж, Стив Арнейл чувствовал себя "как в раю", а благодаря финансовой поддержке жены, работавшей в банке, мог оставаться в Японии и тренироваться. Чтобы дополнительно заработать деньги, он снимался в кино под псевдонимом Стив Мэншн. Обычно играл "плохишей" (американцев и немцев), которых убивали ко всеобщей радости японских зрителей.

Стив Арнейл тренировался у Оямы, когда тот был в расцвете сил. Ростом Ояма был немного выше Стива, но обладал большой мощью. Бывало во время исполнения учениками цуки Ояма в том же ритме, лежа на спине, жал тяжести, потом делал приседания и подстегивал учеников криками. Работа с тяжелыми весами дополняла у него обычную тренировку. Ояма не стремился "накачаться", он целенаправленно формировал тело и наращивал силу, необходимую для "сильнейшего каратэ". Стив Арнейл и Бобби Лоу однажды видели, как Ояма согнул пальцами японскую монету.

Правда, Стиву Арнейлу доводилось встречать не менее сильных и волевых людей в Китае и в других странах, но Ояма был одной из самых исключительных личностей. Он обладал

абсолютной уверенностью в правильности своего Пути. Ояма никогда не отзывался плохо о других стилях каратэ, а просто говорил: "Мы лучшие" или "Мы - Будо". Делал он это даже тогда, когда каратэ стало явно превращаться в спорт. Ояма предсказывал, что придет время, когда каратисты-спортсмены столкнутся с реальными трудностями на улице. И это время пришло...

Занятия в додзё Оямы имели мало общего с современной практикой спортивной подготовки каратистов в контактных стилях. Они были организованы в соответствии с принципами Будо. Вечерняя тренировка начиналась в 7:30 вечера. В 7:15 начинали бить в барабаны, которые были слышны издалека. Те, кто не успевал стать в ряды в 7:30, к тренировке не допускались. Не было никаких исключений. Время тренировок не регламентировалось. Короткие тренировки заканчивались в 10:00, но могли продолжаться и до 12:00. Никого не волновало, кто как будет добираться домой.

Тренировка начиналась с поклонов, затем следовали медитация, разминка и очень суровая растяжка. Последняя давалась Стиву с трудом, т.к. ноги у него были "забитыми" из-за длительных занятий в юности рэгби. В додзё делали много отжиманий и дыхательных упражнений. К дыханию Ояма относился очень серьезно, видя в нем основу воинского искусства. Он говорил, что человек, который не дышит - это покойник. После традиционной разминки выполняли базовую технику (удары и блоки руками), обычно в сантин-дати, а затем удары ногами на месте. Повторений было столько, сколько присутствовало черных поясов, каждый из которых считал до десяти. Ояма делал все вместе с учениками, что производило впечатление. Он был очень строг в отношении базовой техники, которую выполняли также в перемещениях во всех основных стойках. Ояма был перфекционистом и ему трудно было угодить. Он переходил к следующей технике только тогда, когда был удовлетворен исполнением предыдущей.

После кихона проводились свободные бои. Черные пояса выстраивались в линию и остальные ученики поочередно работали с каждым из них. Бои велись честно, старшие пояса не стремились показать свое превосходство. Поскольку бойцы были хорошо тренированы, серьезных травм не было. Единственной проблемой были удары в лицо. Чтобы не повредить кожу, кулаки оборачивали бинтами. Зато учились защищаться от ударов в голову. Единственно, что тогда не разрешалось, это удары в пах. Не били также по ногам. Лоу-кики стали использовать только после возвращения японской команды с матчевой встречи в Таиланде. Кроме ударных техник использовались и бросковые приемы.

Перед боями обычно выполнялись не подготовительные условные формы кумитэ (например, самбон-кумитэ), а комбинации в боевой стойке. Ояма считал, что учиться драться лучше в свободных боях. При этом он всячески подчеркивал значение ката, которые развивали мышление учеников. Из-за своей могучей комплекции Ояма не был выдающимся "ката-мэном", однако, по свидетельству Стива Арнейла, он глубоко понимал значение и смысл традиционных форм. Любимой формой Оямы было Тэнсё. Он практиковал Тэнсё в двух вариантах - в медленном (для установления правильного дыхания и развития текучести движений) и в быстром (для драки, т.е. "кэнка"). Ояма также широко использовал различные производные варианты базовых форм, особенно ката из группы Тайкёку и Пинан. Он делал это в методических целях, обеспечивая с помощью ката не только техническую, но и боевую подготовку учеников.

Стиль ведения боя в Кёкусинкай фактически вырос из опыта опасных поединков са-мого Масутацу Оямы, где принимались разные правила или таковые вообще отсутствовали. Превосходство Оямы в додзё было столь велико, что он редко спарринговал с учениками, а если и делал это, то в игровой манере и в щадящем режиме (например, заменял жесткие

удары кулаками в корпус на удары основанием ладони). Привилегию спарринговать с Оямой имели немногие черные пояса, среди которых был и Стив Арнейл.

Арнейл вспоминал, что в бою Ояму было невозможно ударить. Его ноги были не очень быстрыми при выполнении круговых ударов, но руки были превосходны. Его манера ведения боя разительно отличалась от манеры большинства современных спортсменов, которые практически не владеют защитой и идут на постоянный обмен ударами, полагаясь на мышечную массу и выносливость. Ояму, как известно, ни тем, ни другим бог не обидел, но он в совершенстве владел защитной техникой, заимствованной из китайских стилей. Круговые блоки он выполнял со скоростью ветряка или пропеллера. До него нельзя было достать, не рискуя "перемолоть" себе конечности в "мясорубке". Физическая сила и вес Оямы не снижали скорости движений, т.к. он выполнял атлетические упражнения не для позирования, а для совершенствования своего каратэ. Его крупное и сильное тело перемещалось с быстротой молнии.

Стиль Кёкусинкай, особенно в защитной технике, которую использовал Ояма, обнаруживает преимущественное влияние китайских стилей. Каким именно сказать довольно трудно. В одной из журнальных статей Ояма описывал встречу с неким старым китайцем, с которым якобы пытался спарринговать, однако "дедушка" ловко использовал парирующие и круговые блоки. Не понимая, что происходит, Ояма каждый раз оказывался на земле. Известно пристрастие Оямы в подобным техникам. Он даже выдвинул "теорию круга и точки", где обосновывал универсальное значение круговых движений в каратэ. Судя по биографии Оямы, предпосылки таких предпочтений могли сложиться еще в детстве, в Маньчжурии. Видимые же истоки благотворных китайских влияний на Ояму обнаруживаются в самой Японии, буквально по соседству.

Уже будучи знаменитым мастером и главой школы, Ояма посещал тренировки своего друга Кэнъити Саваи, представлявшего в Японии китайский боевой стиль Тайчи-кэн. У Саваи не было зала, его "додзё" была вся природа. Он круглый год занимался в парке, приходя туда до рассвета. Ояма рекомендовал Саваи немногих своих учеников. Такую привилегию имели, в частности, Стив Арнейл и Хацуо Рояма. Арнейл попал к Саваи непосредственно перед проведением теста в 100 боев и многое почерпнул от мастера в области медитативной практики и защитной техники. И то, и другое помогло ему успешно выдержать тяжелое испытание. Ояма прекрасно понимал для чего он направляет Стива к Саваи - ученик должен был приобрести психологическую устойчивость и освоить надежную защиту. Стив Арнейл недавно признался, что не имея мотивации и не владея защитной техникой, он не смог бы выжить в 100 боях с сильными и агрессивными противниками.

Это знаменательное событие в судьбе Стива Арнейла, который первым в истории школы Кёкусинкай выдержал данное испытание, имело свою предысторию. До Оямы в школах каратэ, насколько известно, такого рода тестов не было. Однако Тэссю Ямаока, знаменитый мастер меча, каллиграф и философ дзэна, проводил подобные и даже более длительные спарринговые испытания для своих учеников. Ояма ввел тест, чтобы продемонстрировать возможности "сильнейшего каратэ" и силу духа мастеров Будо.

Давно ходит легенда, что сам Ояма якобы провел 300 боев. Свидетельств и доказательств тому, увы, нет. Однажды Стив Арнейл спросил Ояму об этом, но тот только улыбнулся. Возможно, что это была мифологема, созданная и поддерживавшаяся токийским Хонбу вокруг культа Оямы, которую он по политическим причинам не мог опровергнуть. Важно, однако, даже не столько то, выдержал ли сам Ояма 300 боев или нет (скорее всего он бы выдержал такое испытание), сколько его постоянная готовность бросать "вызов

пределам". Пределы человеческих возможностей он испытывал на себе и то же предлагал избранным ученикам. Максимализм Оямы становился характерной чертой его школы, школы Будо-каратэ.

По условиям проведения 100 полноконтактных боев, рассчитанных примерно на 3 часа, противники должны были постоянно меняться. Если бы они ослабили натиск, то были бы дисквалифицированы, а результат данной схватки был бы аннулирован. Это было бы бесчестьем для участников боев и оскорблением для испытуемого. Тот должен был быть до конца активен в атаке и побеждать во многих схватках, а не просто защищаться или принимать удары. Соперники не имели права использовать лоу-кики и наносить удары руками в лицо. В этом случае выжить в 100 боях было бы нереально. Испытуемый же мог использовать любую разрешенную технику, включая лоу-кики. Но если бы его нокаутировали или послали в нокдаун более, чем на 5 сек. даже в последнем бою, результат тестирования был бы аннулирован. До Арнейла несколько японцев потерпели в 100 боях неудачу, а потом Ояма остановил свой выбор на иностранце.

Когда Стив Арнейл услышал об этом, он якобы сказал Ояме: "Ты сумасшедший". То же самое, узнав о предложении Оямы, сказала и жена Стива. Но Ояма не оставил ученику выбора. Он просто сказал: "Я думаю, ты сможешь сделать это". И тому пришлось согласиться. Позже он понял, что Ояма хорошо знал его характер. Если Стив что-то делал или ему что-то поручали делать, он старался исполнять это наилучшим образом. Вместе с Оямой Стив составил программу подготовки. Кроме обычных тренировок в додзё она включала бег вверх и вниз по холмам, много физических упражнений, работу с макиварой и мешком, занятия в парке, а в выходные дни бег по песку на берегу моря. Немалую долю в программе составляли ката, но в модифицированном виде с учетом стоящих перед бойцом задач.

С самого начала Ояма потребовал, чтобы только что женившийся молодой человек всецело сосредоточился на тренировках, не расслаблялся и не отвлекался ни на что постороннее. Учитель сказал воспитаннику: "Ты должен жить в чистоте". Ояма постоянно наблюдал и контролировал процесс подготовки, однако не устанавливал срока предстоящего испытания. Однажды на соответствующий вопрос Стива Ояма ответил: "Я скажу когда. Ты просто работай. Не беспокойся насчет того, когда это произойдет. Может быть тебе этого и не придется делать". Шесть месяцев Стив Арнейл не занимался ничем, кроме каратэ. Когда однажды воскресным утром он пришел в додзё и узнал, что ему предстоит провести 100 боев, у него уже не было времени думать. Он просто принял вызов.

Бои длились в среднем по полторы минуты. Стив Арнейл хорошо помнил совет Оямы: "Ты можешь сэкономить время, если нокаутируешь их". Реально нокаутировать ему никого не удалось, но многих он посылал в нокдаун и завершил тест примерно за 2 часа 45 минут. Поначалу он невольно считал бои, но вскоре сбился и сосредоточился на процессе борьбы. Соперниками Стива были сперва зеленые пояса, затем коричневые и, наконец, черные. Его несколько раз посылали в нокдаун, но он успевал менее, чем за 5 сек. вернуться в боевую позицию. Его мотивация не была сломлена, несмотря на травмы и усталость. Последние бои он проводил с самыми сильными бойцами школы - с Хирофуми Окадой, Сигэру Оямой и Тадаси Накамурой. Остановив последний бой, Масутацу Ояма просто сказал: "Ты сделал это". Стив так же просто ответил: "Да".

Тело Стива Арнейла было в синяках и в крови. После душа состоялся праздничный обед, на который по телефону вызвали жену, Цуюко. Ояма обнял Стива и сказал: "Я говорил, что ты можешь сделать это. Рад, что мое суждение было правильным". Покинув додзё вместе с женой, Стив почти терял сознание. Когда дома он разделся, покрытое синяками

тело было похоже на пятнистого леопарда. Однако уже в четверг Стив возобновил тренировки, хотя из-за боли делал все очень легко и медленно. Ояма сказал, что ему повезло: "Это только синяки, ты ничего не сломал".

Стив Арнейл не очень любит говорить на эту тему. Он считает, что подобный тест является "необъяснимым и очень личным испытанием". Очевидно, однако, что 100 боев стали ключевым, в подлинном смысле инициатическим событием в его жизни. Приобретенный во время подготовки и во время самого испытания опыт оказал существенное влияние на формирование личности мастера.

После Стива Арнейла и другим бойцам Кёкусинкай удалось успешно выдержать тест в 100 боев. В период с 1965 по 1983 годы это сделали Тадаси Накамура (в 1965 г.), Сигэру Ояма (в 1966 г.), Люк Холландер (в 1967 г.), Джон Джарвис (в 1967 г.), Говард Коллинз (в 1972 г.) и Микиу Миура (в 1983 г.). Позже отдельные бойцы и в Японии, и в других странах тоже прошли через это испытание. Однако после кончины Оямы и распада ИКО подобные тесты стали превращаться в "пиар-акции", в чем специалисты могут убедиться, просмотрев видеозаписи. Стив Арнейл считает это "позором для Будо-каратэ".

Кстати, Стив Арнейл ввел в Великобритании аналогичную систему добровольного тестирования черных поясов, но разумно ограничил тесты 50, 40 и 30 боями. При современном уровне подготовки бойцов-соперников выдержать и 30 боев даже без лоу-киков под силу немногим. В Англии один "счастливчик", выдержавший 50 боев, сразу был отправлен в больницу и потом вынужден был расстаться с каратэ. В России сильных бойцов, готовых благожелательно отделать претендента, тоже оказалось предостаточно. Неудивительно, что немногие попытки выдержать тест в 30 боев потерпели неудачу. В частности, сказалось неумение даже чемпионов России реально и искусно защищаться. Обоим претендентам (Артуру Оганесяну и Андрею Ануфриеву) на последнем испытании, которое проводил сам ханси Стив Арнейл, сломали руки, когда, едва держась на ногах, они могли только пассивно прикрывать уязвимые части тела. После этого охота и у них, и у других ребят отпала.

Стива Арнейла часто спрашивают о том, насколько сопоставим уровень подготовки современных спортсменов в стиле Кёкусинкай и прежних мастеров Будо-каратэ. По его мнению, уровень технической подготовки в пределах спортивных правил сейчас значительно вырос, но мотивация изменилась и это заметно влияет на дух бойцов. В его время в школе Оямы царил дух Будо. "Мы никогда не сдавались", как-то сказал ханси. При этом Стив Арнейл очень гордится российскими бойцами, которые на спортивных турнирах всегда стремятся побеждать и побеждают...

После обучения у Оямы Стив Арнейл стал одним из признанных лидеров Кёкусинкай в мире. Уже в 1965 г. он основал организацию Британского каратэ Кёкусинкай. Его профессионализм и авторитет постоянно росли. В 1966 г. ему был присужден 4-й дан, в 1968 г. - 5-й, в 1974 г. - 6-й. В 1977 г. из рук Оямы он получил 7-й дан. В 1975-1977 годах Стив Арнейл отличился как менеджер и тренер всестилевого каратэ Великобритании. Тогда команда страны стала чемпионом мира в Лос-Анжелесе, победив команду Японии уже во второй раз. После первой победы над японцами в Париже в 1975 г. Федерация Французского каратэ присвоила Стиву Арнейлу титул "Лучший тренер мира". Он попал в Книгу рекордов Гиннеса.

Последние, 8-й и 9-й, даны ханси Стив Арнейл получил уже как президент и основатель Международной Федерации Каратэ, IFK. В официальной характеристике подчеркиваются его высокие технические, физические и педагогические способности, развитая

способность к обобщению, умение вдохновлять людей и мотивированно организовывать их деятельность. Среди личных качеств выделены решительность и сильный дух, преданность своим ученикам. К этому можно было бы добавить и преданность своему учителю, контакты с которым продолжались до самой его смерти. Ханси как-то сказал: "Я ушел из ИКО, но не ушел от Оямы".

Кончина учителя был для Стива Арнейла полнейшей неожиданностью, и он воспри-нял ее с глубокой болью. Арнейлу позвонили из Токио и сообщили: "Ваш отец умер". Он не сразу осознал, что речь шла об Ояме. На похороны он не поехал по политическим при-чинам, поскольку вокруг смерти Оямы в Японии разразился скандал. Как известно, дочь Оямы, Грэйс Эки Ояма, официально заявила, что завещание отца не было написано его рукой, не имело его личной печати и даже отпечатка большого пальца, которые удостове-ряли бы подлинность документа. Семья Оямы настолько сильно сомневалась в правиль-ности лечения Оямы, что даже отказалась отдать его прах для мемориальной церемонии в Аояма Согидзэ 20 июня 1994 г. Однако со Стивом Арнейлом семья Оямы сохранила доб-рые отношения. В условиях раскола ИКО вдова Оямы даже обратилась к нему с предложе-нием возглавить ИКО-2. Не желая быть вовлеченным в политические интриги различных японских организаций, ханси вежливо отказался. Позже он с женой посетил могилу учи-теля, вернув ему последний долг.

Во многих интервью, которые ханси Стив Арнейл давал в России, и в которых мне до-водилось быть переводчиком, ему нередко задавали один и тот же вопрос о секретах, ко-торые Ояма унес с собой в мир иной. И Арнейл всегда называл два феноменальных дос-тижения учителя. Он видел их своими глазами, не раз пытался выведать секреты исполне-ния, но тщетно. Во-первых, Ояма мог нанести по пивной бутылке молниеносный удар ос-нованием ладони и тут же отдернуть руку с зажатым в ладони выбитым фрагментом стек-ла. Арнейл много раз пробовал это сделать, но безуспешно. Во-вторых, Ояма мог, прило-жив палец ко лбу сидящего человека, без какого-либо физического воздействия лишить его возможности подняться. Действие этого приема Арнейл, по его словам, испытал на себе, пережив состояние полной беспомощности и безысходности. Он рассказал также, что ради интереса пытался воспроизвести то же самое, приложив палец ко лбу маленького внука. Безрезультатно.

Хотя в сравнении с Оямой Стив Арнейл имеет более скромные достижения в каратэ, его заслуги перед школой Кёкусинкай и движением Кёкусинкай в мире исключительно велики. При всей демократичности и скромности ханси, как учителя и руководителя ИФК, он являет собой подлинного адепта и рыцаря традиции Будо-каратэ. И это, пожалуй, са-мое важное, ибо в современном мире имеет подлинно духовную ценность.

Для обобщенной заключительной характеристики личности Стива Арнейла и духов-ной миссии мастера-наставника Будо-каратэ весьма интересна и символична одна исто-рия, рассказанная мне самим ханси. Когда стал вопрос о выборе для него титула в качест-ве руководителя новой Международной Федерации Каратэ, он не захотел быть ни кантё ("хозяином дома"), ни сосаем ("директором"). Эти титулы носил Ояма. Родители жены в Японии посоветовали ему выбрать скромный, но очень значительный по смыслу титул "ханси". Это слово может быть переведено как "знающий", "тот, кто знает", или как "обра-зец для подражания" - идеальный эпитет для носителя традиции Будо-каратэ, возглав-ляющего школу и международную организацию.

Знаменательно и другое. Родители Цуюко, хранящие традиции древнего самурайского рода, подобрали для начертания имени и титула Стива Арнейла иероглифы, имеющие, по его словам, двойное значение. В результате именную надпись у него на поясе обычный

сведущий в японском языке человек прочитает как "ханси Стив Арнейл", а человек, посвященный в смысловые глубины знаков, увидит скрытое значение - "самурай-воин". Пожалуй, этим все и сказано.

В.П. Фомин